Оригинальная статья

УДК 332.1

Стратегические приоритеты развития социального капитала регионов России

С. Н. Растворцева [1], Е. В. Панина [2]

[1, 2]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

[1]SRastvortseva@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-1599-359X

[2]https://orcid.org/0000-0003-1860-1798

Аннотация: *Введение.* Социальный капитал является важным стратегическим активом регионального развития. Он относится к институтам, отношениям и нормам, которые формируют качество и количество социальных взаимодействий общества. Человеческий и социальный капиталы вместе с институциональной средой являются тремя столпами человеческого потенциала для создания богатства. Целью данной статьи является предложение основных подходов к определению и оценке социального капитала и его типов для дальнейшего использования полученных результатов при разработке и реализации стратегий социально-экономического развития регионов. *Объекты и методы исследования*. В работе определены три параметра социального капитала – частота контактов между индивидами, однородность и иерархичность, а также представлены четыре типа социального капитала – устанавливающий связи, сближающий, определяющий и объединяющей. *Результаты и их обсуждение.* В качестве практического результата исследования проведен анализ развития социального капитала в регионах Центрального федерального округа России по выборочным показателям за 2000–2019 гг. Показаны приоритетные направления развития социального капитала в стратегиях города Москвы, Московской, Калужской и Курской областях. *Выводы*. Для определения стратегических приоритетов развития социального капитала на уровне регионов необходимо не только понимать механизмы проявления его ключевых составляющих, но и оценивать его текущее состояние, анализировать формирующие факторы и выявлять тенденции на будущий период. Исследование может представлять ценность как для научных работников, так и для лиц, принимающих управленческие решения в сфере территориального стратегического развития.

Ключевые слова: капитал, социальный капитал, стратегия, социально-экономическое развитие, региональная экономика, регионы России

Цитирование: Растворцева С. Н., Панина Е. В. Стратегические приоритеты развития социального капитала регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 1. С. 76–88. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-1-76-88

Поступила в редакцию 01.03.2021. Прошла рецензирование 03.04.2021. Принята к печати 17.05.2021.

original article

Strategic Priorities for the Development of Social Capital in the Regions of Russia

Svetlana N. Rastvortseva[1], Ekaterina V. Panina[2]

[1, 2]National Research University Higher School of Economics , Moscow, Russia

[1]SRastvortseva@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-1599-359X

[2]https://orcid.org/0000-0003-1860-1798

Abstract: *Introduction*. Social capital is an important strategic asset for regional development. It refers to the institutions, relationships, and norms that shape the quality and quantity of social interactions. Human assets, social capital, and institutional environment are the three pillars of human potential for the creation of wealth. The present article introduces basic approaches

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

to the definition and assessment of social capital and its types. The research results can help to create new strategies for the socio-economic development of regions. *Study objects and methods*. The authors identified three parameters of social capital: frequency of human contacts, homogeneity, and hierarchy. The paper also describes four types of social capital: linking, bonding, identifying, and uniting. *Results and discussion*. The research featured the development of social capital in the regions of the Central Federal District in 2000–2019, as well as the priority directions of the development of social capital in the city of Moscow and the regions of Moscow, Kaluga, and Kursk. *Conclusion*. At the regional level, strategic priorities for the development of social capital depend on its key components, current state, forming factors, and trends. The research can be of interest for scientists and decision-makers in the field of territorial strategic development.
Keywords: capital, social capital, strategy, socio-economic development, regional economy, regions of Russia

Citation: Rastvortseva SN, Panina EV. Strategic Priorities for the Development of Social Capital in the Regions of Russia. Strategizing: Theory and Practice. 2021;1(1):76–88. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-1-76-88

Received 1 March 2021. Reviewed 3 April 2021. Accepted 17 May 2021.

俄罗斯地区社会资本发展的战略优先事项

斯韦特兰娜 拉斯特沃尔采娃[1]，叶卡捷琳娜 帕尼娜[2]

[1]国立研究大学“高等经济学院”的世界经济系教授、经济学博士，教授，俄罗斯，莫斯科

[2]国立研究大学“高等经济学院”的学生，俄罗斯，莫斯科

摘要：引言。社会资本是地区发展的重要战略资本。它是指塑造社会中社会交往质量和数量的机构、关系和规范。人力资本和社会资本以及体制环境是人类创造财富的潜力的三大支柱。 本文的目的是提出确定和评估社会资本及其类型的基本方法，以便进一步利用获得的成果制定和实施地区社会经济发展战略。 研究对象和方法。该研究确定了社会资本的三个参数——个体之间的接触频率、同类性和等级性，并提出了四种类型的社会资本——建立人脉、拉近关系、确定关系和联合关系。 结果及其讨论。作为研究的实际结果，对俄罗斯中央联邦区2000-2019年社会资本发展的抽样指标进行了分析。揭示了莫斯科市、莫斯科州、卡卢加州和库尔斯克州的战略中社会资本发展的优先领域。 结论。为了确定地区一级社会资本发展的战略优先事项，不仅需要了解其关键组成部分的表现机制，而且需要评估其现状，分析其形成因素，并确定未来时期的趋势。这项研究对地区战略发展领域的研究人员和决策者都很有价值。
关键词：社会资本，人力资本，社会经济发展战略，地区经济，俄罗斯地区

入门编辑部 2021年3月1日. 确认好了同行审查 2021年4月3日. 接受印刷出版 2021年5月17日.

ВВЕДЕНИЕ

Социальный капитал в экономике играет важную роль и является ключевым элементом развития через воздействие формальных и неформальных институтов. Он способствует сокращению транзакционных издержек, стимулирует рост инвестиций в физический капитал, поощряет технологические инновации и повышает эффективность управления. Реализация политики по повышению эффективности использования социального (и человеческого) капитала возможна на национальном и региональном уровнях.

Ввиду того, что социальный капитал воспринимается как макро-инструмент государственной политики, вопросы стимулирования его развития должны занимать важное место в стратегиях и программах регионов России. Основоположником школы стратегирования является В. Л. Квинт. В качестве стратегии он определяет «систему поиска, формирования и развития доктрины, которая обеспечит долгосрочный успех при ее последовательной и полной реализации. Это результат системного анализа среды, существующих прогнозов будущих условий на основе стратегического мышления, глубоких знаний и интуиции»[1].

Целью статьи является предложение основных подходов к определению и оценке социального капитала

[1] Квинт В. Л. К истокам теории стратегии. 200-летие издания теоретической работы генерала Жомини. СПб.: ИПЦ СЗИУ, 2017. 52 с.

и его типов для дальнейшего использования полученных результатов при разработке и реализации стратегий социально-экономического развития регионов.

Статья построена следующим образом. В первом разделе будут рассмотрены теоретические основы и библиография исследования. Во второй части работы будут показаны методические подходы. Результаты и их обсуждение найдут отражение в третьей (анализ развития социального капитала в регионах Центрального федерального округа России) и четвертой (отражение социального капитала в региональных стратегиях Центрального федерального округа) частях статьи. В выводах будут представлены основные выводы и рекомендации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И БИБЛИОГРАФИЯ

Человеческий капитал (в соответствии с подходом ОЭСР) – это знание, навыки, компетенции и умения индивида, способствующие обеспечению личного, социального и экономического благополучия[2]. Человеческий капитал – это совокупность качества образования и знаний, накопленных вне образовательной сферы. Он непосредственно участвует в производственном процессе и стимулирует накопление дополнительных ресурсов, способствуя внедрению новых технологий. Различия в инвестициях в раннее детство, внутрисемейные взаимодействия и институциональные особенности образовательных систем могут стать важными факторами, обуславливающими межрегиональное неравенство по экономическим показателям[3].

Социальный капитал – это такие особенности организации общества, как доверие, нормы и связи, способствующие повышению эффективности через скоординированные действия[4]. Социальный капитал накапливается через межличностные отношения. Таким образом, его можно охарактеризовать через частоту контактов между индивидами, однородность (насколько индивиды разделяют некоторую общую ценность или интерес) и иерархичность (степень концентрации контактов вокруг одного индивида внутри группы)[5] (рис. 1)[6].

Рис. 1. Параметры социального капитала и его соответствующие типы
Fig. 1. Social capital: parameters and types

Формируется четыре основных типа социального капитала. Устанавливающий связи социальный капитал (linking) можно определить как совокупность норм доверия и отношений, первоначально устанавливающихся в социальных институтах. Данный тип капитала возникает при взаимодействии населения с органами государственной власти и госслужащими.

Сближающий социальный капитал (bridging) представляет собой установление отношений между людьми из разных социальных групп, имеющих общие интересы[7]. Эти связи возникают на рабочем месте, в профсоюзах, храмах, синагогах, мечетях и церквях, а также в добровольных группах, таких как коллектив соседей или родительские

[2] Dańska-Borsiak B., Laskowska I. Selected intangible factors of regional development: An analysis of spatial relationships // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. 2014. Vol. 17. № 4. P. 23–41. https://doi.org/10.2478/cer-2014-0030.

[3] Rossi F. Human capital and macro-economic development: A review of the evidence. Washington: World Bank Group, 2018. 41 p.

[4] Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social capital matter for European regional growth // European Economic Review. 2015. Vol. 77. P. 47–64. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.03.013.

[5] Lollo E. Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types // 14th World Congress of Social Economics. Glasgow. 2012.

[6] Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology. 2004. Vol. 33. № 4. P. 650–667. https://doi.org/10.1093/ije/dyh013.

[7] Aldrich D. P., Meyer M. A. Social capital and community resilience // American Behavioral Scientist. 2015. Vol. 59. № 2. P. 254–269. https://doi.org/10.1177/0002764214550299.

комитеты в школах и детских садах[8, 9, 10, 11, 12]. Эти общественные ассоциации сближают людей из разных социальных групп с точки зрения расы, класса, религии, возраста и пола, создавая мосты и межгрупповые связи[13].

Определяющий социальный капитал (identifying) объединяет людей одной иерархической группы, имеющих общие интересы.

На пересечении трех типов социального капитала образуется новый тип – объединяющий социальный капитал (bonding). Он определяется как установление тесных взаимосвязей внутри группы, имеющей сходство демографических характеристик, установок, а также доступной информации и ресурсов[14]. Объединяющий социальный капитал означает тесную связь между «людьми, которые считают себя похожими»[15]. На практике объединяющий социальный капитал сопровождается высокой степенью сходства демографических характеристик, таких как раса, этническая принадлежность, класс, возрастная когорта или семья, а также отношениями, такими как религиозная принадлежность или политическая приверженность[16, 17]. Эти общие черты способствуют социальной сплоченности и доверию внутри групп[18].

Отметим, что качество социальных связей влияет на реакцию населения на различные внешние удары, такие как пандемия, стихийные бедствия, экономические и политические кризисы[19, 20]. Социальный капитал – это ключевой ресурс сообщества, который может помочь жителям делиться физическими, финансовыми и социальными ресурсами[21]. Во времена отсутствия кризиса сильные социальные сети могут содействовать жителям в поиске работы, стимулировать ускоренное экономическое развитие, мотивировать студентов и повышать эффективность обучения, улучшать результаты в отношении здоровья и помогать в получении более качественных государственных услуг[22, 23, 24, 25]. Во время кризиса население будет использовать свои социальные связи для получения или создания ключевых общественных благ самостоятельно с помощью всех типов социального капитала: устанавливающего связи, сближающего, определяющего и объединяющего[26].

Социальный капитал на низших уровнях пространства (городские кварталы, микрорайоны, сельские поселения, города) имеет более плотные связи и общие характеристики. Чем выше уровень (регион, округ, префектура и др.,

[8] Granovetter M. S. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1380. https://doi.org/10.1086/225469.

[9] Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness / F. H. Norris [et al.] // American Journal of Community Psychology. 2008. Vol. 41. № 1–2. P. 127–150. https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6.

[10] Village A., Powell R., Pepper M. Bonding and bridging among first generation Asian migrants in Australian protestant churches // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43. № 11. P. 1943–1963. https://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1240027.

[11] Neighborhood associations and local governance in Japan / R. J. Pekkanen [et al.]. London: Taylor and Francis Group, 2014. 280 p. https://doi.org/10.4324/9781315797731.

[12] Small M. L. Unanticipated gains: Origins of network inequality in everyday life. New York: Oxford University Press, 2009. 320 p. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195384352.001.0001.

[13] Aldrich D.P., Meyer M.A. Social capital...

[14] Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology. 2004. Vol. 33. № 4. P. 650–667. https://doi.org/10.1093/ije/dyh013.

[15] Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology. 2004. Vol. 33. № 4. P. 650–667. https://doi.org/10.1093/ije/dyh013.

[16] Szreter S., Woolcock M. Health by association? ...

[17] Pretty J. Social capital and the collective management of resources // Science. 2003. Vol. 302. № 5652. P. 1912–1914. https://doi.org/10.1126/science.1090847.

[18] Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. S95–S120. https://doi.org/10.1086/228943.

[19] Aldrich D. P., Meyer M. A. Social capital ...

[20] Nakagawa Y., Shaw R. Social capital: A missing link to disaster recovery // International Journal of Mass Emergencies Disasters. 2004. Vol. 22. № 1. P. 5–34.

[21] Woolcock M. The rise and routinization of social capital, 1988–2008 // Annual Review of Political Science. 2010. Vol. 13. P. 469–487. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.031108.094151.

[22] Szreter S., Woolcock M. Health by association? ...

[23] Granovetter M. S. The strength...

[24] Coleman J. S. Social capital...

[25] Putnam R. D., Leonardi R., Nonetti R.Y. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993. 280 p. https://doi.org/10.2307/j.ctt7s8r7.

[26] Fraser T. Japanese social capital and social vulnerability indices: Measuring drivers of community resilience 2000–2017 // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2021. Vol. 52. https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2020.101965.

государство или союз государств), тем меньше его однородность[27].

На уровне регионов эффективное развитие социального капитала будет способствовать сокращению трансакционных издержек, росту инвестиций в физический капитал, будет стимулировать технологические инновации, повышать эффективность в сфере торговли и управлении[28]. Социальный капитал важен не только для экономического роста, но и для нивелирования неравенства доходов в регионах[29].

Определим плоскости пересечения человеческого и социального капиталов. Человеческий капитал распространяет знание и технологическое развитие. Социальный капитал является не индивидуальным, а возникающим между индивидами. Он относится к институтам, отношениям и нормам, которые формируют качество и количество социальных взаимодействий общества. Человеческий и социальный капиталы вместе с институциональной средой являются тремя столпами человеческого потенциала для создания богатства[30].

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Классические теории в области региональной экономики (например, Тюнен (1826), Вебер (1909), Паландер (1935)) свидетельствуют о том, что пространство не является непрерывным, а также существуют различные барьеры – географические, культурные, политические, экономические и административные. Следовательно, любой экономический фактор, в том числе и социальный капитал, непрерывно меняется с изменением расстояния – линейно или экспоненциально[31].

Человеческая деятельность имеет тенденцию концентрироваться в пространстве. Это касается и результатов человеческой деятельности: реального, финансового и человеческого капиталов. Внутри агломераций и между ними возникают сети для распределения и обмена этими ресурсами. Значительная часть этих сетей и является социальным капиталом[32].

Во многих исследованиях социальный и человеческий капитал рассматриваются как производительные активы, которые облегчают экономические операции, а также как факторы, усиливающие доверие и приводящие к сотрудничеству[33].

Исследования исключительно человеческого капитала позволили определить, что актуальным показателем является уровень образования. Он оказывает наибольшее влияние на доход и производительность экономики региона[34]. Для оценки человеческого капитала могут использоваться региональные показатели в трех сферах: образование, здравоохранение и демография. Социальный капитал может оцениваться участием в общественных организациях, соблюдением социальных норм и уровнем доверия[35].

Для выявления взаимосвязей социального и человеческого капиталов, а также экономического развития можно использоваться модель Солоу, для оценки взаимосвязи человеческого капитала и экономических индикаторов развития региона – модель Удзавы-Лукаса (Uzawa–Lucas model) и Кобба-Дугласа[36, 37, 38]. В качестве переменных моделей выступают различные показатели. Так, к индикаторам социального развития относят уровень доверия, следование социальным нормам и участие в общественных организациях[39]. Человеческий капитал оценивается уровнем образования работников организаций и предпринимателей[40]. Экономическое развитие оценивается уровнем дохода

[27] Westlund H., Larsson J. P. Handbook of social capital and regional development. Edward Elgar Publishing, 2016. 576 p. https://doi.org/10.4337/9781783476831.
[28] Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social...
[29] Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. On the sources of European regional convergence: Does social capital have an economic payoff? // Working Papers. 2014.
[30] Dańska-Borsiak B., Laskowska I. Selected intangible...
[31] Westlund H., Larsson J. P. Handbook of social...
[32] Westlund H., Larsson J. P. Handbook of social...
[33] Lollo E. Toward a theory...
[34] Human capital and regional development / N. Gennaioli [et al.] // Quarterly Journal of Economics. 2013. Vol. 128. № 1. P. 105–164. https://doi.org/10.1093/qje/qjs050.
[35] Dańska-Borsiak B., Laskowska I. Selected intangible...
[36] Rossi F. Human capital...
[37] Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social...
[38] Human capital...
[39] Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social...
[40] Human capital...

на душу населения, валовым региональным продуктом в целом и на душу населения, плотностью населения и другими показателями.

Для анализа социального капитала зарубежные исследователи используют данные Eurostat и EVS по 3 составляющим социального капитала: уровень доверия (доля респондентов, доверяющих друг другу), соблюдение социальных норм (объединенный индикатор в интервале 1–10, где 10 – несоблюдение социальных норм), членство в общественных объединениях (доля респондентов, являющихся членами общественных объединений) и сила контактов внутри них. Эти показатели позволяют оценить социальный капитал в странах Европы. Но это затрудняет мониторинг в России, где эти показатели не измеряются службами статистики.

Для оценки объединяющего социального капитала можно использовать следующие показатели: расовое и этническое сходство, дифференциация населения по религиозному признаку, разница в уровне образования, гендерные показатели, уровень и характер занятости, возрастные показатели[41, 42].

Для оценки сближающего социального капитала могут использоваться такие показатели, как доля жителей-членов различных организаций, количество библиотек или других общественных центров на душу населения, число некоммерческих организаций на душу населения[43, 44].

Для оценки устанавливающего связи социального капитала в международных исследованиях используются показатели, отражающее отношения между местными, региональными и федеральными органами власти, уровень политических связей и активности. Можно выделить такие показатели, как количество муниципальных государственных служащих на душу населения, число полицейских на душу населения, процент голосов, отданных партии власти на выборах во время последних выборов. Это показывает, насколько каждое сообщество имеет влияние на правящую партию и насколько избранные должностные лица национального уровня могут захотеть обслужить это сообщество в будущем[45, 46, 47].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ развития социального капитала в регионах Центрального федерального округа России

Рассмотрим развитие социального капитала по некоторым показателям на примере регионов Центрального федерального округа. Одним из показателей объединяющего социального капитала являются уровень и характер занятости. Распределение рабочей силы (в возрасте 15–72 лет) по субъектам Российской Федерации в 2019 г. показано на рисунке 2 (*Прим.:* Рисунки 2–6 составлены по данным Федеральной службы государственной статистики).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что рабочая сила страны распределена крайне неравномерно среди территорий. Наибольшая численность сосредоточена в Москве и Московской области, в Санкт-Петербурге, Краснодарском крае и Ростовской области, в Республике Татарстан, в Свердловской и Тюменской областях и в некоторых других регионах.

Устанавливающий связи социальный капитал проявляется в разных возрастных группах. Рассмотрим распределение населения моложе трудоспособного возраста (рис. 3) и старше трудоспособного возраста (рис. 4) в регионах Российской Федерации.

Видно, что наименьшая доля молодого населения наблюдается в Москве (за 2000–2019 гг. – 13,6 %), Тульской (14,1 %) и Рязанской (14,8 %) областях. Примечательно, что на начало анализируемого периода, в 2000 году, во всех регионах наблюдались высокие показатели молодого населения (в среднем 17,4 % по округу). Однако этот показатель стабильно снижался и в 2006–2008 гг. достиг своего минимума – 14,1–14,2 %. К 2019 г. доля молодого населения не достигла максимальной отметки – 16,6 %, несмотря на свой постепенный рост. Исключение составляют Москва (15,5 %

[41] Fraser T. Japanese social...
[42] Kyne D., Aldrich D. P. Capturing bonding, bridging, and linking social capital through publicly available data // Risk, Hazards and Crisis in Public Policy. 2020. Vol. 11. № 1. P. 61–86. https://doi.org/10.1002/rhc3.12183.
[43] Fraser T. Japanese social...
[44] Pekkanen R. Japan's dual civil society: Members without advocates. Stanford: Stanford University Press, 2006. 280 p.
[45] Fraser T. Japanese social...
[46] Smith D. M., Reed S.R. The reed-smith Japanese House of representatives elections dataset // Harvard Dataverse. 2018. Vol. 1. https://doi.org/10.7910/DVN/QFEPXD.
[47] Yusaku H., Natori R. The Japanese local elections dataset // Harvard Dataverse. 2019. Vol. 1. https://doi.org/10.7910/DVN/TLC5R4.

в 2019 г. при 14,5 % в 2000 г.), Московская (18,1 % и 16,2 %), Костромская (18,4 % и 18,3 %) и Ярославская (17,4 % и 16,7 %) области.

Развитие устанавливающего связи социального капитала происходит и в группе старшего возраста.

Анализ динамики доли старшего поколения показал, что только в Москве она имеет стабильную тенденцию к росту (за исключением 2019 г.). В других регионах достигает своего максимума в 2018 г. (29,1 %) при среднем начальном уровне в 2000 г. 24,3 %. Минимальное значение по всем регионам имело место в 2003–2005 гг. (23,9–24,0 %). В Центральном федеральном округе к наиболее «старым» регионам можно отнести Тульскую (за 2000–2019 гг. 28,1 %), Рязанскую (27,6 %), Тамбовскую (27,2 %) и Тверскую области (26,9 %). К наименее «старым» – Москву (24 %), Московскую (23,8 %), Белгородскую (24,6 %) и Костромскую (24,9 %) области.

В дальнейшем мы обратим внимание на то, как в стратегиях социально-экономического развития регионов отражаются вопросы поддержки молодого и пожилого населения.

Примером показателя сближающего социального капитала может являться количество библиотек, численность зрителей театров, посетителей музеев и показатели посещений различных спортивных сооружений. Рассмотрим динамику числа посещений театров в расчете на 1000 человек населения (рис. 5).

Лидером по посещению театров является город Москва (573 посещения на 1000 человек). Это можно объяснить не только большим количеством театров в городе,

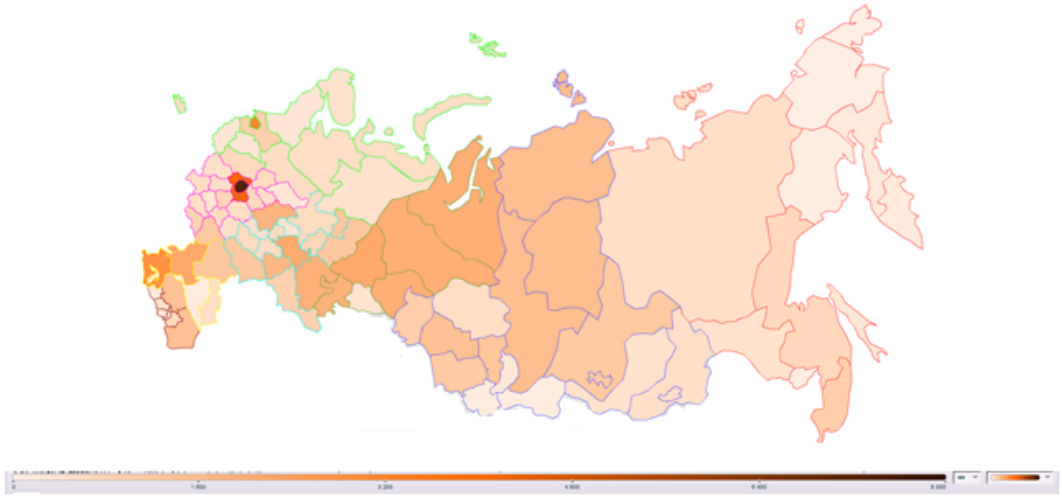

Рис. 2. Численность рабочей силы в возрасте 15–72 лет по субъектам РФ в 2019 году
Fig. 2. Labor force aged 15–72 in various regions of the Russian Federation in 2019

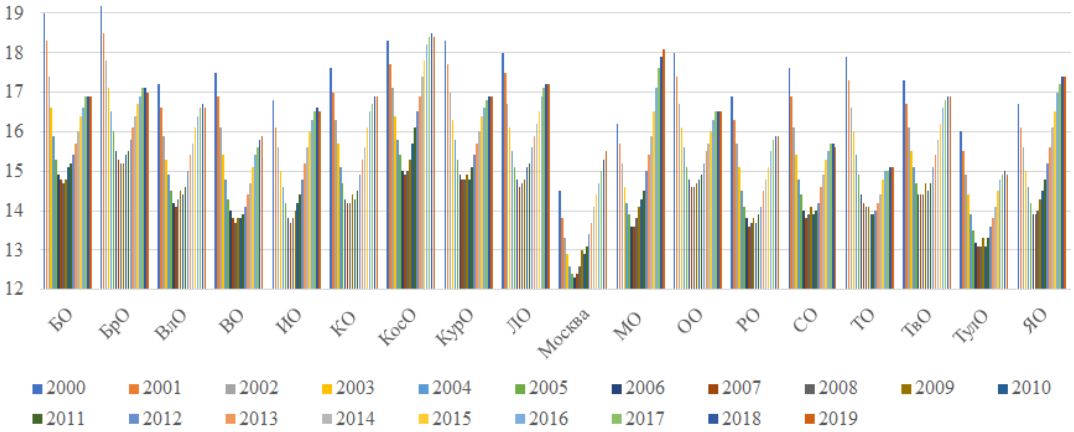

Рис. 3. Динамика доли населения моложе трудоспособного возраста в регионах Центрального федерального округа в 2000–2019 гг., %
Fig. 3. Share of young population in the Central Federal District in 2000–2019, %

Прим.: На рисунках 3–6: БО – Белгородская область, БрО – Брянская область, ВлО – Владимирская область, ВО – Воронежская область, ИО – Ивановская область, КО – Калужская область, КосО – Костромская область, КурО – Курская область, ЛО – Липецкая область, МО – Московская область, ОО – Орловская область, РО – Рязанская область, СО – Смоленская область, ТО – Тамбовская область, ТвО – Тверская область, ТулО – Тульская область, ЯО – Ярославская область.

но и развитием туристического сектора. Это подтверждает и амплитуда колебаний показателя. Например, в 2005 г. произошло резкое снижение показателя (до 467). Примечательно, что практически во всех регионах численность посещений театров имеет положительную тенденцию. Исключением является Орловская область (снижение на 2,2 %). Меньшее число посещений театров наблюдается в Московской (98,6 %), Смоленской (103,2 %) и Владимирской (116,1 %) областях. Следует отметить Тамбовскую (на 254,8 %), Костромскую (рост на 140,7 %) и Курскую (на 87 %) области, где значительно возросло число посещений театров за анализируемый период. Можно сделать вывод о положительным развитии сближающего социального капитала в данных регионах.

Определяющий социальный капитал может быть охарактеризован такими показателями, как число студентов и работников по разным сферам деятельности.

Студенты отличаются высокой мобильностью и склонны направляться в регионы с высоким уровнем развития социального капитала и научной деятельности. По российским регионам можно отметить единую тенденцию: численность студентов достигла максимума перед финансовым кризисом 2009 г., а потом начала значительно снижаться. Это можно объяснить наложением демографических (после пика 2007 г. в высшие учебные учреждения начали поступать дети, родившиеся в 1990-е годы, период демографического спада) и экономических (после кризиса в стране сократились расходы на образование) факторов. Проведенные ранее исследования показали, что чем выше уровень экономического развития региона, тем выше показатель численности студентов (исключения составляют Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа).

Рассмотрим динамику численности студентов в регионах Центрального федерального округа в 2000–2018 гг. (рис. 6). Наибольшая численность студентов в Центральном федеральном округе, как и в целом по России, приходится на Москву. В среднем за период 2000–2018 гг. ежегодно в Москве обучалось около 1,022 млн студентов. Так как Москва значительно

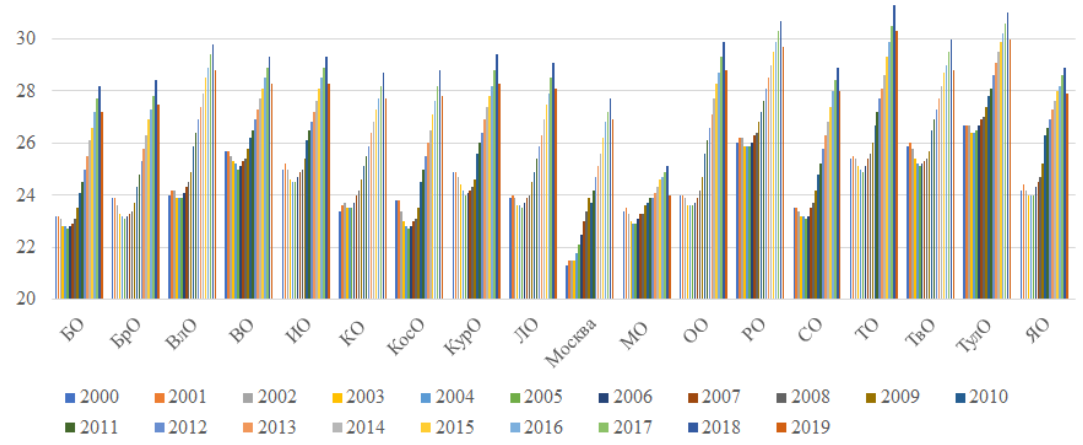

Рис. 4. Динамика доли населения старше трудоспособного возраста в регионах Центрального федерального округа в 2000–2019 гг., %
Fig. 4. Share of elderly population in the Central Federal District in 2000–2019, %

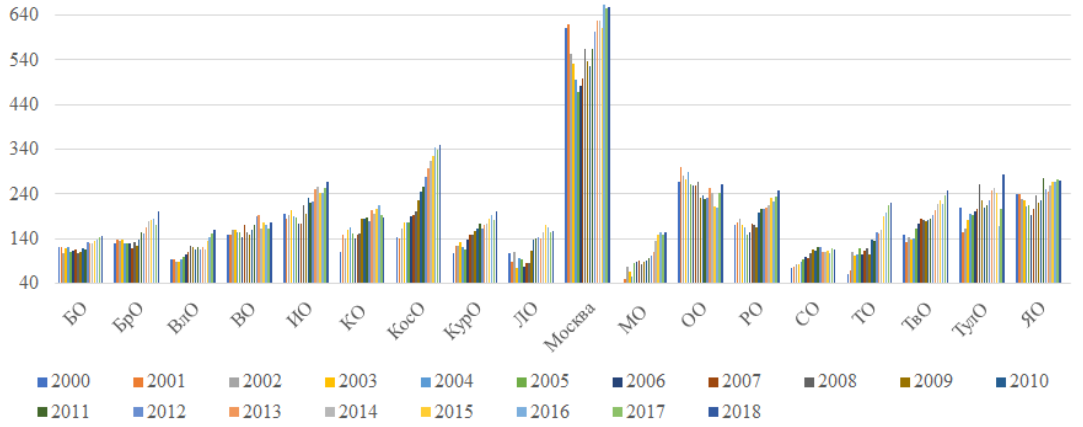

Рис. 5. Динамика численности зрителей театров на 1000 чел. населения в регионах Центрального федерального округа в 2000–2018 гг., чел.
Fig. 5. Theater audience per mille in the Central Federal District in 2000–2018, people

превосходит остальные регионы по показателю, то для наглядности она была исключена из выборки при проведении графического анализа.

Видно, что после Москвы значительное число студентов обучается в университетах Московской области, далее Воронежская и Белгородская области. Малое число студентов приходится на Курскую и Костромскую области. Мы считаем, что высокая дифференциация данного показателя, с одной стороны, не является положительной характеристикой развития Центрального федерального округа, т. к. способствует росту концентрации социального капитала и в дальнейшем – социально-экономического неравенства среди регионов. С другой стороны, она отражает эффективность проведения региональной политики в области поддержки социального капитала и научно-инновационной сферы экономики.

Отражение социального капитала в региональных стратегиях Центрального федерального округа

Был проведен анализ представления концепции социального капитала в стратегиях регионов Центрального федерального округа России. Отметим, что во всех регионах развитию социального (и человеческого) капитала уделяется особое внимание. При этом некоторые регионы выдвигают данное направление в приоритет.

В данной части работы мы рассмотрим, каким образом находит свое отражение социальный капитал в стратегиях четырех регионов: Калужской, Курской, Московской областях и городе Москвы.

Социальный капитал находится в приоритете развития Калужской области. На данный момент стартовал третий этап реализации данной стратегии, цель которого – «опора на комбинацию инновационных, человеческих и средовых ресурсов территории, образующих каркас для эффективного развития пространственно-организованных сетей социально-экономической активности»[48]. Одними из главных задач, которые связаны с развитием социального и человеческого капитала, являются «государственно-частная поддержка высокотехнологичной инфраструктуры жизнеобеспечения и сервиса как для новых районов расселения, так и для «старожильческих» зон с применением эффективных технических решений, которые предлагаются областным инновационным сектором» и «поддержка современной гуманитарной инфраструктуры (образовательной, информационной, спортивной, медицинской, рекреационной), соразмерной со стандартами качества жизни в урбанизированной среде»[49].

В рамках Стратегии социально-экономического развития Калужской области реализуется целый ряд проектов, направленных на развитие социального капитала. Например, «Региональный университет», созданы Центр прикладного образования и Научно-медицинский центр радиационной медицины, основано Агентство территориального развития, проводится программа

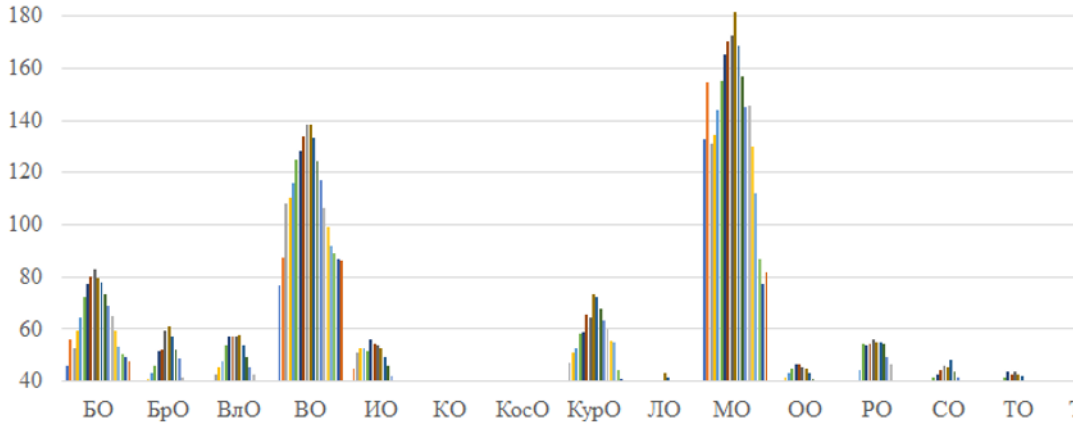

Рис. 6. Динамика численности студентов в регионах Центрального федерального округа в 2000–2018 гг., чел.
Fig. 6. University students in the Central Federal District in 2000–2018, people

[48] Постановление Правительства Калужской области от 29.06.2009 г. № 250 «О Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW037&n=30274&dst=100001#0015267080254636411 (дата обращения: 10.12.2020).

[49] Постановление Правительства Калужской области...

по подготовке кадрового резерва управления Калужской области и др.[50]

Приоритеты стратегии социально-экономического развития Курской области связаны с социальным и человеческим капиталом прямым или косвенным образом. В регионе реализуется направление «Здоровье, здравоохранение и социальная среда», ориентированное на повышение качества жизни населения за счёт популяризации здорового образа жизни. Создаются условия для развития физической культуры и массового спорта, реализован проект по организации амбулаторной онкологии на базе Железногорской городской больницы № 2, проводятся программы по информированности населения о здоровьесберегающих технологиях региона[51].

Стратегические направления Москвы в сфере развития социального капитала выражаются в создании условий и возможностей, которые позволят каждому жителю определить и реализовать свои жизненные приоритеты к 2030 г. (при активном применении цифровых технологий)[52].

Среди основных целевых направлений развития социального капитала в Московской области можно выделить повышение рождаемости, стимулирование активного долголетия и здорового образа жизни населения Московской области. Повышение рождаемости планируется достичь через создание благоприятных условий для жизнедеятельности семьи и рождения детей. Ключевые меры – это финансовая поддержка семей при рождении детей, призванная не допустить ухудшения материального положения семей после появления ребенка; повышение доступности жилья; создание комфортной среды для семей с детьми; развитие транспортной и социальной инфраструктуры.

Стимулирование активного долголетия планируется достичь через создание условий для активной и качественной жизни граждан пожилого возраста. Ключевые меры по данному стратегическому направлению – это расширение сети стационарных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов через проведение капремонта имеющихся зданий, строительства новых учреждений и развития негосударственных учреждений социального обслуживания.

Третье направление развития социального капитала в Московской области – это стимулирование здорового образа жизни (ЗОЖ) населения. Достижение поставленной задачи возможно путем популяризации ЗОЖ, развития массового спорта, увеличения числа жителей, регулярно занимающихся физической нагрузкой. В настоящее время в Московской области систематически занимаются физической культурой и спортом более 39 % от общей численности населения области[53].

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет нам заключить, что выделение четырех типов социального капитала – устанавливающего связи, сближающего, определяющего и объединяющего – позволяет детально понять, какие преимущества для регионального развития могут быть получены через целевые направления воздействия и научно обоснованную поддержку, как в условиях стабильной динамики, так и в кризисные периоды. Мы показали, что для оценки социального капитала по типам могут быть использованы наборы различных индикаторов, изменение которых возможно с учетом имеющихся статистических данных и в соответствии с целями анализа.

Важным выводом работы является то, что высокая дифференциация регионов по уровню развития социального капитала и его составляющих не может являться положительной характеристикой и способствует росту социально-экономического неравенства. Однако она отражает эффективность проведения региональной политики в области поддержки социального капитала и научно-инновационной сферы экономики.

В стратегиях социально-экономического развития регионов социальный капитал находит свое отражение прямым или косвенным образом. При этом стратегии некоторых регионов данное направление рассматривают как приоритетное.

[50] Постановление Правительства Калужской области...

[51] Закон Курской области от 14.12.2020 г. № 100-ЗКО «О Стратегии социально-экономического развития Калужской области на период до 2030 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/571044826 (дата обращения: 15.12.2020).

[52] Постановление Правительства Москвы от 26.06.2007 г. № 513-ПП «О стратегии развития города Москвы на период до 2025 года». URL: https://www.mos.ru/authority/documents/doc/24206220/ (дата обращения: 28.02.2021).

[53] Постановление Правительства Московской области от 28.12.2018 г. № 1023/45 «О Стратегии социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года». URL: https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyato-pravitelstvom/postanovleniya-pmo/23-01-2019-11-11-05-postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot (дата обращения: 28.02.2021).

ЛИТЕРАТУРА

- Aldrich D. P., Meyer M.A. Social capital and community resilience // American Behavioral Scientist. 2015. Vol. 59. № 2. P. 254–269. https://doi.org/10.1177/0002764214550299.
- Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. S95–S120. https://doi.org/10.1086/228943.
- Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness / F. H. Norris [et al.] // American Journal of Community Psychology. 2008. Vol. 41. № 1–2. P. 127–150. https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6.
- Dańska-Borsiak B., Laskowska I. Selected intangible factors of regional development: An analysis of spatial relationships // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. 2014. Vol. 17. № 4. P. 23–41. https://doi.org/10.2478/cer-2014-0030.
- Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social capital matter for European regional growth // European Economic Review. 2015. Vol. 77. P. 47–64. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.03.013.
- Fraser T. Japanese social capital and social vulnerability indices: Measuring drivers of community resilience 2000–2017 // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2021. Vol. 52. https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2020.101965.
- Granovetter M. S. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1380. https://doi.org/10.1086/225469.
- Human capital and regional development / N. Gennaioli [et al.] // Quarterly Journal of Economics. 2013. Vol. 128. № 1. P. 105–164. https://doi.org/10.1093/qje/qjs050.
- Kyne D., Aldrich D. P. Capturing bonding, bridging, and linking social capital through publicly available data // Risk, Hazards and Crisis in Public Policy. 2020. Vol. 11. № 1. P. 61–86. https://doi.org/10.1002/rhc3.12183.
- Lollo E. Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types // 14th World Congress of Social Economics. Glasgow. 2012.
- Nakagawa Y., Shaw R. Social capital: A missing link to disaster recovery // International Journal of Mass Emergencies Disasters. 2004. Vol. 22. № 1. P. 5–34.
- Neighborhood associations and local governance in Japan / R. J. Pekkanen [et al.]. London: Taylor and Francis Group, 2014. 280 p. https://doi.org/10.4324/9781315797731.
- Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. On the sources of European regional convergence: Does social capital have an economic payoff? // Working Papers. 2014.
- Pekkanen R. Japan's dual civil society: Members without advocates. Stanford: Stanford University Press, 2006. 280 p.
- Pretty J. Social capital and the collective management of resources // Science. 2003. Vol. 302. № 5652. P. 1912–1914. https://doi.org/10.1126/science.1090847.
- Putnam R. D., Leonardi R., Nonetti R. Y. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993. 280 p. https://doi.org/10.2307/j.ctt7s8r7.
- Rossi F. Human capital and macro-economic development: A review of the evidence. Washington: World Bank Group, 2018. 41 p.
- Small M. L. Unanticipated gains: Origins of network inequality in everyday life. New York: Oxford University Press, 2009. 320 p. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195384352.001.0001.
- Smith D. M., Reed S. R. The reed-smith Japanese House of representatives elections dataset // Harvard Dataverse. 2018. Vol. 1. https://doi.org/10.7910/DVN/QFEPXD.
- Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology. 2004. Vol. 33. № 4. P. 650–667. https://doi.org/10.1093/ije/dyh013.

- Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology. 2004. Vol. 33. № 4. P. 650–667. https://doi.org/10.1093/ije/dyh013.

- Village A., Powell R., Pepper M. Bonding and bridging among first generation Asian migrants in Australian protestant churches // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43. № 11. P. 1943–1963. https://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1240027.

- Westlund H., Larsson J. P. Handbook of social capital and regional development. Edward Elgar Publishing, 2016. 576 p. https://doi.org/10.4337/9781783476831.
- Woolcock M. The rise and routinization of social capital, 1988–2008 // Annual Review of Political Science. 2010. Vol. 13. P. 469–487. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.031108.094151.
- Yusaku H., Natori R. The Japanese local elections dataset // Harvard Dataverse. 2019. Vol. 1. https://doi.org/10.7910/DVN/TLC5R4.
- Квинт В. Л. К истокам теории стратегии. 200-летие издания теоретической работы генерала Жомини. СПб.: ИПЦ СЗИУ, 2017. 52 с.

БЛАГОДАРНОСТИ: Авторы выражают благодарность студентам Высшей школы экономики Ю. Сурковой и М. Кочешкову за помощь в подготовке материала.

КРИТЕРИИ АВТОРСТВА: С. Н. Растворцева – обоснование концепции и планирование исследования, обобщение результатов, формулировка выводов и интерпретация результатов исследования. Е. В. Панина – подготовка и обработка статистического материала, проведение сравнительного анализа, оформление рукописи, работа с графическим материалом.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2021 г.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Светлана Николаевна Растворцева, д-р экон. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; SRastvortseva@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-1599-359X
Екатерина Владимировна Панина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; evpanina@edu.hse.ru; https://orcid.org/0000-0003-1860-1798

REFERENCES

- Aldrich DP, Meyer MA. Social capital and community resilience. American Behavioral Scientist. 2015;59(2):254–269. https://doi.org/10.1177/0002764214550299.
- Coleman JS. Social capital in the creation of human capital. American Journal of Sociology. 1988;94:S95–S120. https://doi.org/10.1086/228943.
- Dańska-Borsiak B, Laskowska I. Selected intangible factors of regional development: An analysis of spatial relationships. Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. 2014;17(4):23–41. https://doi.org/10.2478/cer-2014-0030.
- Forte A, Peiró-Palomino J, Tortosa-Ausina E. Does social capital matter for European regional growth // European Economic Review. 2015;77:47–64. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.03.013.
- Fraser T. Japanese social capital and social vulnerability indices: Measuring drivers of community resilience 2000–2017. International Journal of Disaster Risk Reduction. 2021;52. https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2020.101965.
- Gennaioli N, La Porta R, Lopez-de-Silanes F, Shleifer A. Human capital and regional development. Quarterly Journal of Economics. 2013;128(1):105–164. https://doi.org/10.1093/qje/qjs050.
- Granovetter MS. The strength of weak ties. American Journal of Sociology. 1973;78(6):1360–1380. https://doi.org/10.1086/225469.
- Kvint VL. K istokam teorii strategii. 200-letie izdaniya teoreticheskoy raboty generala Zhomini [Origins of strategic science. 200th Anniversary of the Publication of General Jomini's theory]. St. Petersburg: IPTS SZIU; 2017. 52 p. (In Russ.)
- Kyne D, Aldrich DP. Capturing bonding, bridging, and linking social capital through publicly available data. Risk, Hazards and Crisis in Public Policy. 2020;11(1):61–86. https://doi.org/10.1002/rhc3.12183.
- Lollo E. Toward a theory of social capital definition: its dimensions and resulting social capital types. 14th World Congress of Social Economics; 2012; Glasgow. Glasgow: University of Glasgow; 2012.

- Nakagawa Y, Shaw R. Social capital: A missing link to disaster recovery. International Journal of Mass Emergencies Disasters. 2004;22(1):5–34.
- Norris FH, Stevens SP, Pfefferbaum B, Wyche KF, Pfefferbaum RL. Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness. American Journal of Community Psychology. 2008;41(1–2):127–150. https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6.
- Peiró-Palomino J, Tortosa-Ausina E. On the sources of European regional convergence: Does social capital have an economic payoff? Working Papers. 2014.
- Pekkanen R. Japan's dual civil society: Members without advocates. Stanford: Stanford University Press; 2006. 280 p.
- Pekkanen RJ, Tsujinaka Y, Yamamoto H, Tkach-Kawasaki L. Neighborhood associations and local governance in Japan. London: Taylor and Francis Group; 2014. 280 p. https://doi.org/10.4324/9781315797731.
- Pretty J. Social capital and the collective management of resources. Science. 2003;302(5652):1912–1914. https://doi.org/10.1126/science.1090847.
- Putnam RD, Leonardi R, Nonetti RY. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press; 1993. 280 p. https://doi.org/10.2307/j.ctt7s8r7.
- Rossi F. Human capital and macro-economic development: A review of the evidence. Washington: World Bank Group; 2018. 41 p.
- Small ML. Unanticipated gains: Origins of network inequality in everyday life. New York: Oxford University Press; 2009. 320 p. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195384352.001.0001.
- Smith DM, Reed SR. The reed-smith Japanese House of representatives elections dataset. Harvard Dataverse. 2018;1. https://doi.org/10.7910/DVN/QFEPXD.
- Szreter S, Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health. International Journal of Epidemiology. 2004;33(4):650–667. https://doi.org/10.1093/ije/dyh013.

- Szreter S, Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health. International Journal of Epidemiology. 2004;33(4):650–667. https://doi.org/10.1093/ije/dyh013.

- Village A, Powell R, Pepper M. Bonding and bridging among first generation Asian migrants in Australian protestant churches. Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017;43(11):1943–1963. https://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1240027.
- Westlund H, Larsson JP. Handbook of social capital and regional development. Edward Elgar Publishing; 2016. 576 p. https://doi.org/10.4337/9781783476831.
- Woolcock M. The rise and routinization of social capital, 1988–2008. Annual Review of Political Science. 2010;13:469–487. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.031108.094151.
- Yusaku H, Natori R. The Japanese local elections dataset. Harvard Dataverse. 2019;1. https://doi.org/10.7910/DVN/TLC5R4.

ACKNOWLEDGMENTS: The authors are grateful to the students of the Higher School of Economics Yu. Surkova and M. Kocheshkov for their help in preparing the material.

CONTRIBUTION: S.N. Rastvortseva developed the research concept, synthesized the results, formulated the conclusions, and interpreted the results. E.V. Panina prepared, processed, and compared statistics, prepared the manuscript, and designed the graphs.

FUNDING: The research was supported by the Department of World Economy and International Affairs of the Higher School of Economics (HSE University) in 2021.

CONFLICTING INTERESTS: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

ABOUT AUTHORS: Svetlana N. Rastvortseva, Dr.Sci. (Econ.), Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; SRastvortseva@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-1599-359X
Ekaterina V. Panina, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; evpanina@edu.hse.ru; https://orcid.org/0000-0003-1860-1798